

МАМОНТОВАЯ КОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ И ИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ

О.В. Васильева, А.Р. Федорова, А.А. Слепцова

Ольга Валерьевна Васильева | <http://orcid.org/0000-0001-9992-4163> | ovasileva.igi@mail.ru | к. пол. н., старший научный сотрудник | Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ул. Петровского 1, Якутск, 677027, Россия)

Айтали́на Родионо́вна Федоро́ва | <http://orcid.org/0000-0002-6487-3914> | aytap@mail.ru | младший научный сотрудник | Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ул. Петровского 1, Якутск, 677027, Россия)

Айтали́на Алексе́евна Слепцо́ва | <http://orcid.org/0000-0002-8774-2570> | aytalina92s@gmail.com | младший научный сотрудник | Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ул. Петровского 1, Якутск, 677027, Россия)

Ключевые слова

Арктика, Якутия, мамонт, добыча мамонтового бивня, антропология государства, неформальные практики природопользования, косторезный промысел

Аннотация

В статье рассматривается современная ситуация сбора мамонтовой кости, имеющего длительную историю в Якутии. В настоящее время сбор кости с коммерческими целями законодательно не отрегулирован, что формирует область теневой экономики. Особое внимание уделено социальным условиям жизни населения в якутской Арктике, провоцирующим к неформальному природопользованию, практике сбора останков мамонтовой фауны, а также тому, как сами жители сельской местности в северных районах осмысливают это явление. Статья основана на результатах полевых исследований авторов, проведенных в период с 2013 по 2021 гг. Показано, что трансформация социальной действительности в постсоветское время создает условия для развития неформальной экономики. Часть населения якутской Арктики вовлечена в неформальные практики природопользования в сфере сбора остатков мамонтовой фауны. Значительную роль в функционировании теневой экономики играют социальные связи. При этом сборщиками эксплуатируется политика идентичности как попытка дистанцирования от государственного регулирования, что в этнографической традиции принято объяснять антиномией государства и коренных малочисленных народов Севера.

Работа выполнена с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН № 13.ЦКП.21.0016

Статья поступила 26.11.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 15.04.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Васильева О.В., Федорова А.Р., Слепцова А.А. Мамонтовая кость, общество и государство: неформальные практики природопользования на Северо-Востоке России и их социально-экономический эффект // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 86–108. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040054> EDN: XLMXM

Vasileva, O.V., A.R. Fedorova, and A.A. Sleptsova. 2022. Mamontovaia kost', obshchestvo i gosudarstvo: neformal'nye praktiki prirodopol'zovaniia na Severo-Vostoke Rossii i ikh sotsial'no-ekonomicheskii effekt [Mammoth Tusk, Society, and the State: Informal Practices of Natural Resource Use in the North-East of Russia and Their Social and Economic Impact]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 86–108. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040054> EDN: XLMXM

По разным оценкам, около 80% всех мировых запасов ископаемой мамонтовой кости, спрос на которую существенно поднялся после запрета на торговлю слоновой костью, находится на территории Республики Саха (Якутия) преимущественно в северной ее части и составляет порядка 139 тысяч тонн (Боескоров и др. 2008; Смирнов 2003). Хорошая сохранность палеонтологических останков обусловлена климатическими особенностями региона, а именно наличием вечной мерзлоты. В настоящее время сбор мамонтовой кости с целью продажи является одним из важных источников “жизнеобеспечения” в арктических селах Якутии. Однако в силу ряда причин законодательно вопрос эксплуатации недр для коммерческого использования данного ресурса так и не был решен. Пробелы в законодательстве приводят к формированию теневой индустрии, связанной с поиском, добычей и продажей мамонтовой кости, и определенным образом влияют на этносоциальную обстановку на севере Якутии. В данной статье на основе полевых материалов мы попытаемся описать по возможности наиболее полно этот в настоящее время малоизученный вид северного природопользования, в котором задействовано значительное число жителей северных поселков Республики Саха (Якутия), а также определить, какие эффекты этот вид природопользования порождает в социальной, экономической сферах и политике идентичности.

Методы и обзор литературы

Разговоры о таком виде природопользования, как сбор ископаемой мамонтовой кости, неудобны для жителей северных поселков, и хотя в последующем часть информантов отрицала, что в этой деятельности есть какие-либо элементы противозаконности, говорить о ней решались не многие. Статья основана на полевых исследованиях, проведенных авторами в период с 2013 по 2021 гг. В частности, были применены такие методы исследования, как включенное наблюдение, полужурналированные интервью, а также анализ документов, регламентирующих сферу сбора мамонтовой кости. Первые наблюдения в данной сфере были составлены в Булуномском, Усть-Янском и Аллаиховском районах, в полевой сезон 2013–2014 гг. в ходе работы над проектом, непосредственно не касающимся сбора кости. Тем не менее, в силу значимости данного вида деятельности для северных районов, сбор мамонтовой кости проступал тогда в нарративах многих жителей поселков при изучении их жизненных стратегий. В то же время информанты проговаривали, что сбор бивней – это тема криминальная, опасная для исследования и лучше в нее не вторгаться. Более полную картину о неформальных практиках природопользования позволили составить интервью, собранные в период с 2020 по 2021 гг. Поиск информантов из числа сборщиков кости велся с привлечением неформальных связей исследователей. Для того чтобы первоначально расположить информантов к взаимодействию, основной темой интервью мы обозначили повседневность сборщиков кости и их мистические представления об останках мамонта, связанные с тем, что в традиционной якутской мифологии мамонт является символом сатанического мира, мира мертвых (Васильева и др. 2021; РФА ЯНЦ СО РАН 1: Л. 13–14, 17; РФА ЯНЦ СО РАН 2: Л. 32). Уже в ходе интервью сборщики кости могли по своему желанию рассказать о проблемах, с которыми они сталкиваются в своей работе, и о взаимоотношениях с государством. Следует отметить, что информация, использованная для написания статьи, была собрана в основном попутно из разговоров о быте сборщиков, жизни на Севере. Информантами, рассказавшими непосредственно о сборе мамонтовой кости, выступили люди, занимающие разные позиции по отношению к данному виду деятельности – как рядовые работники, так и те, кто занимался пе-

ревозом крупных партий бивня на китайские заводы или вел торговлю в Якутске через местных китайских торговцев, а также жители северных районов Якутии. Из этических соображений мы не будем упоминать их имена и названия сел. Обозначим лишь, что информантами выступили жители Абыйского, Аллаиховского, Анабарского, Булунского и Усть-Янского районов Республики Саха (Якутия), а также жители г. Якутска. Кроме того, интервью были взяты у резчиков по кости, чиновников муниципального уровня, руководителей предприятий по производству сувенирной продукции. Интервью с ними непосредственно касались проблем отрасли переработки мамонтовой кости и взаимодействия художников-резчиков, бизнеса и государства.

Как известно, неформальная экономика включает в себя разнородную экономическую деятельность, которая может вести или не вести к получению дохода, может предполагать или не предполагать трансакции, может осуществляться в разных формах и масштабах. Однако главным общим признаком для всех практик, объединяемых термином “неформальная экономика”, считается дистанцирование подобной деятельности от государственного формального регулирования, учета и контроля (*Барсукова* 2003). В последнее время неформальная экономика все чаще становится объектом интереса не только экономистов, но и социологов и антропологов.

В рамках этих дисциплин различные подходы к определению сущности неформальной экономики также включают особые отношения с государством: это то, что ускользает от его “всевидящего ока”. Исследователи данного направления рассматривают, каким образом функционирует государство в тех сферах, где действие официальных законов ограничено, где государство “слабое” (*Фуко* 1999; *Скотт* 2017; *Фукуяма* 2006).

Социолог Т. Шанин добавляет, что особенности неформальной экономики заключаются в “отстраненных” (*hands off*) отношениях не только с государством, но и с капитализмом (*Шанин* 1999: 15). Как нам кажется, это вопрос весьма дискуссионный, и многое зависит от подхода к тому, что представляет собой капитализм. Здесь стоит отметить, что изучение неформальных практик обычно сосредоточено на анализе ситуации в развивающихся странах. И вывод об “отстраненности” от капитализма того вида, который мы наблюдаем в развитых странах на первый взгляд, может считаться логичным. В этом контексте интересно, что с точки зрения мир-системного анализа неформальная экономика не отстранена от капитализма, а является одной из его форм, которая способствует выводу капитала с периферии в ядро мир-системы (*Валлерстайн б.г.*).

Интерес представляет позиция Т. Хольцленера, который старается в своих исследованиях проследить связь между локальными событиями и глобальными процессами. Работа Т. Хольцленера сосредоточивает внимание на схожести неформальных экономических практик в установлении социальных порядков в разных странах. Одно из исследований проведено на Дальнем Востоке России, в нем он подчеркивает большое значение для формирования теневой экономики дальневосточных рынков социальных сетей и родственных связей (*Holzlehner* 2006: 238). Однако тезис К. Поланьи об укорененности экономики в социальных отношениях находит свое отражение не только в сетевых связях, но и в наличии особого рода морали, следование которой пронизывает многие хозяйственные действия (*Нуреева* 2006).

Надо сказать, что в последнее время вышло несколько работ, в которых в рамках темы неформальной экономики затрагивается проблема неформальных практик природопользования и особой морали в том числе коренного населения Сибири и Севера. В частности, такой аспект проблемы доступа коренного населения к охотничьим и рыбным ресурсам, который можно назвать проблемой “вы-

нужденного браконьерства», исследуется К.Б. Клоковым (*Клоков 2020*). Исследователь отмечает наличие особой морали, вызванной социально-экономическими условиями. К схожим выводам приходит и Т.Н. Журавская (*Журавская 2013*).

В свою очередь, В.Н. Давыдов считает основными аналитическими категориями непостоянство и неравномерное распределение в пространстве и времени потенциальных контролирующих действий государственных структур, что дает местным жителям возможность самостоятельно осваивать ресурсы, используя свои навыки и знания ландшафта. Таким образом, для населения удаленных от центров сибирских поселков эксплуатация биоресурсов и их распределение на практике возможны благодаря наличию “свободных пространств”, где люди могут действовать в соответствии со “своим законом”, а не с официальными правилами (*Давыдов 2019*).

В отношении добычи мамонтового бивня на севере Якутии следует сказать, что сегодня – это экономические отношения, которые сложились после распада Советского Союза на основе сформированных в советский период сетевых структур как новые культурные и экономические практики. С одной стороны, это очень специфическая история, связанная с дискурсом сохранения природы, промыслом коренных малочисленных народов Севера, с другой стороны, в ней много общего с другими кейсами неформальной экономики на Дальнем Востоке России, обусловленными во многом схожим социально-экономическим фоном. Некоторые аспекты сбора мамонтовой кости раскрываются в работах экономистов, юристов и историков. Вместе с тем следует отметить, что феномен сбора мамонтовой кости в контексте проблем функционирования неформальной экономики не рассмотрен в научной литературе.

Социальный контекст формирования неформальных практик природопользования на Северо-Востоке России

Арктические поселки, где проживают люди, занимающиеся добычей мамонтовой кости, имеют черты, которые в принципе характерны для многих населенных пунктов Дальнего Востока. Они характеризуются высоким уровнем безработицы – ее регистрируемый уровень там по итогам 2020 г. составил 6%, что превышает среднереспубликанский уровень (4,2%), причем среди мужчин уровень безработицы выше, чем среди женщин¹. Дело в том, что история многих арктических поселений непосредственно связана с реализацией крупных советских монопрофильных проектов индустриального развития и их последующим закрытием в постсоветское время. При этом жители сел оставались без работы. Однако надо отметить, что в настоящее время примерно 80% занятого населения территории может работать именно в бюджетной сфере (*Милославский 2020*). При этом доля заработной платы в структуре доходов не так велика, жители сел в значительной мере зависимы от социальных трансфертов. В Якутии доля социальных трансфертов достигает в среднем 33,5% от совокупного дохода сельских домохозяйств (в городских поселениях – 20,5%). Оплата труда в денежной и натуральной форме (в денежном выражении) составляет в сельской местности 47,6% от совокупного дохода домохозяйства, в то время как в городских населенных пунктах данный показатель – 71,1%². Совокупность указанных факторов провоцирует формирование новых стратегий выживания (теневая экономика), при этом государство в силу разных обстоятельств будто выражает некий нейтралитет и позволяет им существовать. Это подталкивает население к тому, чтобы ориентироваться на использование местных ресурсов. Как известно, охота, рыболовство и собирательство обычные спутники жизни на Севере, т.к. добыча и использование биоресурсов – прямое условие обеспечения более комфортного проживания в суровых климати-

ческих условиях, и не всегда эти практики происходят полностью на легальных основаниях (Клоков 2020). В таких обстоятельствах, когда разница между формальным и неформальным природопользованием размыта, возникают условия быстрого формирования и морального оправдания новых его видов.

С одной стороны, климатические особенности данного региона не позволяют местным жителям заниматься сельским хозяйством, с другой стороны, именно суровость климата на данной территории обеспечивает сохранность палеонтологических останков, находящихся в относительно свободном доступе для населения. Эти факторы обуславливают вовлечение значительной части местных жителей в экономику мамонтового бивня, которая в силу своего социального веса начинает влиять и на другие сферы жизни арктических сообществ и Якутии в целом.

Следует учитывать и географические особенности местности, где формируются практики неформального природопользования. Зона распространения данных практик ассоциирована с североякутской костеностной провинцией, находящейся за полярным кругом в арктической зоне Республики Саха (Якутия). Она включает в себя Усть-Янский, Абыйский, Анабарский, Аллаиховский, Булунский и Верхоянский районы Республики Саха (Якутия). Здесь следует отметить, что площадь данных территорий очень велика: как известно, Якутия – это крупнейший регион Российской Федерации. Находясь в прямом смысле слова на периферии Российского государства, эти обширные пространства являются сложными в плане организации надзора органов власти как регионального, так и федерального уровня. В то же время часть вышеназванных районов с 2006 по 2021 гг. входила в зону пограничного контроля, в частности она была установлена в населенных пунктах Анабарского, Нижнеколымского, Аллаиховского, Усть-Янского, Булунского районов. Данное обстоятельство сказывалось на ограничении свободного передвижения людей и их хозяйственной деятельности.

Также для понимания проблематики следует указать, что добыча мамонтового бивня в истории Якутии не новое явление. До прихода русского государства мамонтовая кость не выступала самостоятельно в качестве объекта промысла местных жителей – ее использовали в основном как материал для наконечников стрел, копий. С приходом русского населения данный ресурс приобретает товарное значение. Архивные источники, а также опубликованные данные говорят о том, что мамонтовая кость в Якутии на протяжении дореволюционного периода входила, наряду с мехом и моржовым клыком, в тройку товаров, имеющих наибольшее экспортное значение. Именно эти товары привлекали сибирских и российских купцов и таким образом связывали отдаленный край с центральными районами страны (Сафронов 1980). Вывозившаяся на ярмарки в центральные районы Якутии кость частично оседала среди местного населения, что породило в Якутии развитие косторезного промысла, который оформился в особую якутскую школу косторезного мастерства (Прокопьева, Слепцова 2020). В ранний советский период в связи с разрывом торговых связей промысел мамонтовой кости почти полностью затих, позднее сбор бивня велся государственными предприятиями и шел на нужды косторезных мастерских. С 1979 по 1994 гг. на севере Якутии работала ленинградская производственная компания “Северкварцсамоцветы”. Более подробно данная ситуация раскрыта в работе С.А. Григорьева (Григорьев 2021).

Правовые аспекты отрасли сбора мамонтовой кости

В течение постсоветского периода региональное правительство неоднократно совершало попытки узаконить и легализовать данную отрасль, но на сегодняшний момент ситуация все еще остается неоднозначной, что во многом свя-

зано с неопределенным до сих пор статусом мамонтовой кости – не прояснено, является ли она культурной ценностью, имеющей особое научное значение, либо полезным ископаемым. С точки зрения социальных наук, маркирование *вещи* в координатах культуры и соответственно категориальном аппарате государства – очень важный элемент в процессе производства товара (*Копытофф* 2006). Применительно к кости следует сказать, что мы наблюдаем явление, когда вещь была категоризирована в рамках советского государства и плановой экономики с низким мировым спросом, а продажа ее ведется в рамках капиталистического рыночного государства с высоким спросом. Это рождает проблемы в процессе коммодификации останков, в частности это проявляется в том, что нормативные документы имеют различные интерпретации со стороны чиновников разного уровня и профиля, надзорных органов, локальных сообществ якутской Арктики.

В настоящий момент правовое поле мамонтовой индустрии в Якутии регламентируется как федеральными, так и региональными законодательными актами. В первую очередь это Закон Российской Федерации № 27-ФЗ “О недрах” (Закон РФ “О недрах” 1992), в котором пока не существует четкого разграничения и бивни мамонта приравнены ко всем другого рода недрам. Так, лицензия на недропользование будет единой для сборщиков как мамонтового бивня, так и других геологических материалов. В соответствии с этим законом предусмотрена выдача лицензий на пользование участками недр, где разрешен сбор палеонтологических коллекционных материалов мамонтовой фауны лишь в научно-исследовательских, учебных и познавательных целях, – это означает извлечение единичных образцов из естественных обнажений без проведения горных работ и других видов специальных работ (при этом не определены конкретные объемы сбора материалов мамонтовой фауны на лицензионном участке, что способствует неформальному сбору и дальнейшей неофициальной продаже). Промышленная добыча данного вида природного ресурса в коммерческих целях не регулируется и не допускается федеральным законодательством, что не соответствует фактическим действиям сборщиков кости. Кроме того, следует отметить, что в действующий “Общероссийский классификатор полезных ископаемых и подземных вод. ОК 032-2002”, утвержденный постановлением Госстандарта России от 25 декабря 2002 г. № 503-ст, мамонтовая кость не включена. Сбор палеонтологических коллекционных материалов в соответствии с НК РФ не облагается налогом на добычу полезных ископаемых. Хотя, по оценкам экспертов, ежегодно добывается более 100 тонн, оцениваемые как 2 млрд руб., не учитывая контрабанду, которая, по сведениям Комитета по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям ГД РФ, составляет 60 тонн и оценивается в 1,5 млрд руб. (Доклад “Природные ресурсы: эффективность и контроль” 2017: 13). Следовательно, в настоящее время правовой статус ископаемой мамонтовой кости как полезного ископаемого не определен и нормативно-правовые основы выявления и освоения его месторождений отсутствуют (*Смирнов и др.* 2016).

В то же время сфера торговли костью и вывоза ее за рубеж оформляется уже через Министерство культуры и регулируется такими нормативными документами, как: 1) Закон РФ “О ввозе и вывозе культурных ценностей” № 4804-1 от 15.04.1993 (Закон РФ “О вывозе и ввозе...” 1993), 2) Федеральный закон “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сферах вывоза и ввоза культурных ценностей и архивного дела” № 435-ФЗ от 28.12.2017 (Федеральный закон РФ 2017), 3) Постановление Правительства Российской Федерации “Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей и направления экспертом экспертного заключения в Министерство культуры Российской Федерации, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным

ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение” № 1425 от 14.09.2020 (Постановление Правительства РФ 2020) – все они касаются уже не столько сбора кости, сколько регламентируют торговые отношения в данной сфере. Согласно закону РФ “О ввозе и вывозе культурных ценностей”, для того чтобы палеонтологический объект получил статус культурной ценности, необходимо пройти процедуру экспертизы. В случае признания объекта культурной ценностью необходимо получить лицензию на вывоз (Закон РФ “О вывозе и ввозе...” 1993). Стоит отметить, что Федеральный закон № 435-ФЗ к культурным ценностям относил только те палеонтологические образцы, которые свидетельствуют о патологии или особенностях роста (развития) животного, представляющих интерес для науки (Федеральный закон РФ 2017). В 2020 г. было принято Постановление Правительства РФ “Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей...”. Согласно данному постановлению, в соответствии с изложенными в нем “критериями отнесения движимых предметов к культурным ценностям”, остатки ископаемых животных (беспозвоночных и позвоночных), включая бивни и фрагменты бивней, приравниваются к культурным ценностям. Экспертиза культурных ценностей проводится по заявлению недропользователя, они же и являются заказчиками экспертизы (Постановление Правительства РФ 2020).

На региональном уровне также имеется законодательство, регулирующее сбор ископаемой мамонтовой кости. История формирования законодательства в данной области более подробно раскрыта в трудах Г.С. Белолобской (*Белолобская* 2019), в данном разделе укажем лишь основные моменты его текущего состояния. В 2005 г. был принят Указ Президента Республики Саха (Якутия) № 2044 “Об особом статусе природных ресурсов – ископаемых остатков мамонтовой фауны и регулировании их оборота на территории Республики Саха (Якутия)” (Указ Президента Республики Саха [Якутия] 2005). С помощью него Правительство республики предпринимает попытки установить контроль над этой сферой и регламентировать область сбора с целью реализации. Также республиканский указ выделяет ископаемые остатки мамонта как специфический ресурс и на уровне региона наделяет его особым статусом. В этом же году был принят Закон № 507-III “О регулировании пользования и распоряжения особым природным ресурсом – ископаемыми остатками мамонтовой фауны” (Закон Республики Саха [Якутия] 2005). В законе прописываются особенности ископаемой мамонтовой фауны, позволяющие отнести их к особому природному ресурсу. В том числе указывается, что сбор и обработка бивней мамонта являются традиционным народным промыслом коренного населения северных районов Республики Саха (Якутия) в течение более чем двух веков, а места их нахождения и скопления в современном эрозионном срезе полностью совпадают с земельными участками традиционного хозяйствования коренного населения северных районов Республики Саха (Якутия). В то же время в законе прописано, что пользователями недр при попутном сборе бивней мамонта и других ископаемых остатков мамонтовой фауны могут быть любые физические и юридические лица, в том числе зарегистрировавшие традиционную хозяйственную деятельность на земельных участках, включающих заявленные участки недр.

Законом было установлено также, что при наличии лицензии разрешен только попутный сбор с поверхности, строго в рамках территории лицензионного участка. Торговля возможна при наличии у продавца товара лицензии. Недропользователи обязуются ежегодно предоставлять отчет по сбору палеонтологических коллекционных материалов, а при обнаружении уникальных бивней передать приоритетное право выкупа государству. Таким образом следует отме-

тить, что вышеуказанные документы вводят в правовое поле отношения, возникающие в связи с владением, использованием и распоряжением особым (специфическим) природным ресурсом – ископаемыми остатками мамонтовой фауны.

Данную сферу также регламентируют концептуальные документы (Концепция развития добычи... 2011; Концепция развития сбора... 2018). Актуальная концепция развития сбора, изучения, использования, переработки и реализации палеонтологических материалов мамонтовой фауны на территории Республики Саха (Якутия) была утверждена в 2018 г., и ее целью является достижение положительного социально-экономического эффекта для коренного населения арктических и северных территорий Республики Саха (Якутия) и Российской Федерации и легализация внутреннего и экспортного оборота (рынка) мамонтовой фауны (Концепция развития сбора... 2018).

Таким образом, несмотря на то, что законодательство регламентировало сбор мамонтовой фауны, его отдельные положения расходятся с имеющейся практикой. В результате в ходе рейдов природоохранных и правоохранительных органов Республики постоянно устанавливаются нарушения законодательства. По данным прокуратуры Республики Саха (Якутия), основные нарушения со стороны сборщиков – это работа без лицензии (а также невыполнение условий лицензии), использование техники, самовольное занятие водных объектов, загрязнение водных объектов, загрязнение территорий отходами, сбор кости на особо охраняемых природных территориях, повреждение и уничтожение (распил) культурных ценностей. В то же время надзорными органами отмечается, что нет прямой ответственности за самовольное извлечение палеонтологических материалов ископаемой мамонтовой кости, равно как и за применение при этом технических средств и устройств.

Практика сбора ископаемой мамонтовой кости и статус участников деятельности

Как было указано выше, сбор ископаемой мамонтовой кости законодательно закреплён “единичными образцами”. Это приводит к тому, что сборщик обращается за несколькими лицензиями по небольшим участкам. Заявленный объём на них не может быть собран. Лицензии оформляются на одни участки, а сырьё может добываться на других участках, распределение которых происходит уже неформально и не регламентируется государством. В иных случаях сбор (добыча) палеонтологических материалов ведётся вообще без лицензии, либо с оформлением договора с обладателем лицензии. Впоследствии человек или группа, добывшая бивни, обращается к тем, кто имеет лицензию на сбор, и перепродает через них бивни перекупщикам, которые далее занимаются продажей бивней за рубеж. Перекупщики бывают чаще всего неместные (хотя бывают исключения, но и в этом случае такие люди проживают основную часть времени, как правило, в Якутске), это люди из столицы Якутии – Якутска, либо из Москвы, Санкт-Петербурга. Таким образом, подобная многослойная схема взаимодействий людей на уровне добычи-перекупки-продажи создаёт конечно-му покупателю особые отношения, в которых стоимость конкретных образцов зависит от людей, имеющих легальные основания для торговли.

Информанты сообщали, что в период товарного сезона после проведения работ в поле происходит поиск перекупщика, и здесь ситуация в районах может быть разная в зависимости от количества выданных населению лицензий (см. Табл. 1): от такой, когда есть выбор (“Предприниматель смотрит, оценивает и говорит цену. Соглашаешься – продаешь, не соглашаешься – идёшь к другому покупателю”, “Посредников и перекупщиков полно и в районе. На моей родине

есть люди, которые в город возят. Меня, например, если не знаю, как это делается и приеду в город, могут поймать, дело возбудить”), до такой, в которой возможности выбора перекупщика почти нет (“Если бы все могли иметь лицензии, то цены выросли бы. Сейчас 2–3 человека в районе имеют лицензии, и они диктуют”) (ПМА 2: тетрадь 1). Здесь следует отметить еще один важный факт – это отсутствие прозрачной информации для всех участников сбора. Данное обстоятельство, а также то, что бизнес считается очень криминализированным, приводит к формированию представлений, которые не всегда соответствуют действительности и дополнительно формируют современную мифологию отрасли.

Недропользователями несмотря на более 850 действующих лицензий являются порядка 175 организаций различных форм собственности (от ИП и общин коренных малочисленных народов Севера до АО и ООО) на республику, поэтому люди, занимающиеся этим без лицензии, продают свои находки им либо перекупщикам, но уже по более низкой цене. Если посмотреть общероссийские классификаторы видов экономической деятельности (ОКВЭДы) предприятий-лицензиатов, то можно заметить, что большинство из них имеют несколько сопутствующих направлений деятельности – это торговля, грузоперевозки, традиционные промыслы (охота, разведение оленей). Доля лицензий, выданных общинам коренных малочисленных народов Севера, составляет 17,28% (150 ед.) от числа всех лицензий (Реестр действующих лицензий б.г.).

Таблица 1

Распределение выданных лицензий и количества недропользователей по муниципальным районам Республики Саха (Якутия)

Район	Количество действующих лицензий из числа выданных в 2016–2021 гг.	Количество действующих недропользователей
Абыйский	191	38
Аллаиховский	68	17
Анабарский	29	8
Булунский	34	8
Верхневилуйский	1	1
Верхнеколымский	7	4
Верхоянский	77	15
Жиганский	8	4
Момский	8	2
Нижнеколымский	33	8
Оленекский	14	6
Эвено-Бытантайский	1	1
Среднеколымский	62	13
Усть-Янский	328	48
Кобяйский	8	1
Итого	869	175

Следует отметить, что занимаются сбором мамонтовой кости как жители сел, так и оленеводы-кочевники. Причем для части оленеводов района, которые много кочуют и хорошо ориентируются в тундре, возможность заработать на бивне мамонта также является привлекательной, тогда как сравнительно небольшое количество оленей в собственности у оленеводческой семьи – в среднем 20–70 шт. (в Якутии большая часть оленей находится в собственности муниципальных предприятий) – сводит к минимуму коммерческое использование этого ресурса (Кадук 2017).

В целом ход работ по добыче мамонтового бивня происходит достаточно организованно, т.к. он требует серьезной подготовки и финансовых вложений. Еще зимой подготавливается техника, а весной до того, как начинается ледоход, происходит транспортировка инвентаря и топлива на намеченное место поисков: “Все это отвозят и ставят на высокое место примерно до паводка и привязывают к дереву” (ПМА 2: тетрадь 1). По рассказам информантов, подобные экспедиции требуют больших вложений, которые не всегда окупаются: “Там немалые деньги нужно вложить, чтобы заниматься этим” (ПМА 2: тетрадь 1). Также некоторые нанимают рабочую силу: “У кого есть деньги, нанимают отсюда [имеется в виду из Якутска] парней и за фиксированную плату берут с собой” (ПМА 2: тетрадь 2). Но в целом данным бизнесом занимается преимущественно местное население, никаким образом не оформляя трудовые отношения: “Приезжих нет, местные этим занимаются” (ПМА 2: тетрадь 2), “Нужно заранее договариваться. Там все поделено. Тебе нужно знать, в каких местах ходить. Нельзя выйти из дома и начать искать” (ПМА 2: тетрадь 2), “Обязательно нужен знакомый человек на местности, который знает местность. Как вариант у нас в район приезжают люди, конечно, из других районов, но все равно под процент” (ПМА 2: тетрадь 1). Один из наших информантов, будучи неместным изначально, прожил в районе 9 лет, прежде чем его пригласили на сезонную работу по сбору бивня. Таким образом, перед работами человек должен обрести некими социальными связями.

Трудовые отношения в бригадах сборщиков бивня, как правило, не регламентированы. Основой для установления таких трудовых отношений служит весь социальный опыт организации бизнеса в северных поселках, который, как показывают научные исследования, вообще во многом строится на неформальных персонализированных отношениях, где важную роль играет родственная взаимопомощь (Ventsel 2005).

Судя по всему, как мы отмечали выше, существуют также некоторые сложные неформальные отношения раздела нелегализованных костеностных земель между собой: “Подпольное, конечно, есть, кто-то кому-то что-то должен. Например, есть земля, допустим, *Якутск*, есть *Марха*, есть *Жатай*³. Те, кто нашли в *Мархе*, там же тоже люди ищут, они кому-то должны с найденного, а те, кто в *Жатае* нашли, другому кому-то должны. Это места, которые кому-то принадлежат. Неписанный закон, в общем” (ПМА 2: тетрадь 2).

Для организации экспедиции формируются бригады: это могут быть маленькие группы от 2 до 6 человек, а могут быть большие, в которых может быть задействовано 20–30 человек. Сами работы производятся в относительно теплое время года с мая по октябрь, но длительность экспедиции всегда зависит от результативности: “Можно на четыре месяца, можно на один – как повезет. Иногда можно и за месяц много найти и три месяца ничего не делать. Некоторые за месяц все находят и сразу уезжают”, “Как только лед тронулся, с этого времени начинают и почти до ноября. Когда моют водой и она начинает превращаться в лед, тогда и прекращают”. Во время поисков обычной практикой является использование гидромомповых устройств, которыми размывают землю у берегов рек и делают процесс легче для поисковых бригад, но при этом сильно

разрушают ландшафт, загрязняют водоемы и провоцируют локальное таяние мерзлоты, в которой так хорошо сохраняются останки мамонтов. Стоит отметить, что использование техники позволяет не только найти бивни, но и обнаружить их в лучшем состоянии, что сильно сказывается на стоимости при продаже. Вымытые из почвы с помощью технических устройств, они сохраняют первозданный вид, в отличие от тех, которые обнажились в ходе естественных процессов оттайки и соответственно в большей мере подверглись воздействию кислорода, резким температурно-влажностным колебаниям и атаке микробов.

Таким образом, в организации данной деятельности законное и незаконное оказывается переплетено между собой и становится возможным к реализации на основе структуры существующих социальных сетей.

Таблица 2

Количество выданных лицензий по годам

Годы	Количество выданных лицензий
2016	429
2017	78
2018	98
2019	123
2020	71
2021	70

Как говорят местные, причины участия населения в данном бизнесе кроются в отсутствии другой работы. В свою очередь сбор бивня дает хоть и нестабильную, но возможность заработать, причем большие деньги. “В летнее время в деревне живого человека нету, все в лесу. Они зарабатывают, жены и дети понимают. Там на Севере летом делать нечего, ну рыбачить можно, сенокос, немного сельское хозяйство, поэтому все добывают” (ПМА 2: тетрадь 1), “Ну, летом людей с машинами нет, все уезжают. У кого есть техника, занимаются этим. Так только выживают” (ПМА 2: тетрадь 2), “Если летом ничем не заниматься, то все будут пьянствовать. А тут едут в лес, работают, зарабатывают, а больше нечего делать. Нет постоянной работы, там работы мало” (ПМА 2: тетрадь 1), “Там зарплаты как у нас здесь, а цены, например, килограмм яблок 500–600 рублей стоит, хлеб 100 рублей, там выживание”, “Они получают с этого деньги, и, например, приезжая сюда [в Якутск], покупают дом” (ПМА 2: тетрадь 2).

По сведениям информантов, в былые годы после сезона можно было спокойно приобрести квартиру в Якутске. В настоящее время несколько снизился спрос на данный материал и упали цены, вслед за этим снизилось и количество запрашиваемых лицензий (см. Табл. 2; Реестр действующих лицензий б.г.). У разных людей различные представления о том, почему упала цена: по мнению одного информанта, снижение цены на килограмм бивня в последние годы связано с перенасыщенностью рынка, также цена может варьироваться в зависимости от сезона, когда в начале лета фиксируется максимальная цена, которая в дальнейшем идет на убыль. Часть из информантов увязывает снижение стоимости с кризисом глобальной экономики и пандемией коронавирусной инфекции.

Косторезный промысел и дискурс этнизации

В данной статье хотелось бы также раскрыть еще одну сюжетную линию, связанную с добычей мамонтового бивня, а именно развитие косторезного промысла. Как мы указывали ранее, длительная история добычи мамонтового бивня на севере Якутии породила процесс формирования и развития в регионе косторезного дела. Однако в настоящее время люди, занимающиеся данным видом декоративно-прикладного искусства, сталкиваются с трудностями, связанными с сильно возросшей стоимостью материала. Большинство опрошенных мастеров-косторезов не отмечают снижения цен на материал и в настоящее время. “Очень сложно найти, тем более качественный, материал, да и дорого стоит очень. Это если про бивни мамонта. Для своих работ я использую в основном третий сорт бивня. Это сорт, который уже разошелся по нескольким трещинам, отбираю самое лучшее,” – говорит косторезный мастер (ПМА 1: Пастушенок). В основном мастера приобретают небольшие щепы бивней мамонта для изготовления небольших изделий. Стоит отметить, что щепы бивня – это четвертый сорт материала, который наиболее доступен на местном рынке. Щепу можно приобрести практически в любом ювелирном или сувенирном магазине, и стоят эти щепы в разы меньше, чем цельные куски бивня (ПМА 1). Опрошенные мастера также отмечают, что основной объем добычи мамонтового бивня приходится на экспорт, а на территории республики остается небольшая часть материала, зачастую низкого качества.

По мнению мастеров, этот вопрос нуждается в урегулировании на республиканском уровне, а также необходимо решение вопроса о регулировании цен мамонтового бивня на рынке: “Насколько известно, основной объем добычи бивня уезжает в Китай, а в нашей республике практически ничего не остается. Хотелось бы, чтобы этот вопрос регулировался на уровне республиканской власти, и они способствовали тому, чтобы лучшие экземпляры частично оставались внутри республики” (ПМА 1: Малардырова).

Мастерами отмечается, что без поддержки государства резьба по мамонтовой кости может почти полностью исчезнуть. Известный косторез Г.Н. Родионов сообщает, что “многие мастера из-за недоступности материала вынуждены переходить на другие материалы, такие как пластик, бронза, гипс и так далее. А также параллельно занимаются другими видами искусств” (ПМА 1: Родионов). По его мнению, необходимо создание фондов для оказания поддержки учебным заведениям и небольшим мастерским, нуждающимся в финансовой помощи (для закупки материалов, а также приобретения нового оборудования) (ПМА 1). Учебные заведения, в которых ведется подготовка будущих косторезных мастеров, не могут обеспечить обучающихся материалом даже для выпускных работ. Руководство Якутского художественного училища отмечает, что студентам, обучающимся косторезному мастерству, не хватает материала для обучения, так как средств на это не предусмотрено, в таком же положении оказались студенты АГИКИ (Арктического государственного института культуры и искусства). Преподаватели и студенты в большей степени в работе используют рога лося, оленя, барана, а также животную кость. Некоторые выпускники для своих дипломных работ используют бивень мамонта, купленный на собственные средства (ПМА 1).

Еще одной проблемой, с которой сталкиваются местные мастера, является сбыт изделий из бивня. Трудность заключается в том, что мастерам легче работать с отечественными покупателями, нежели с зарубежными. Это объясняется тем, что существует ряд ограничений для вывоза из России и ввоза в различные страны изделий из бивня мамонта и других материалов. Для облегчения торго-

вых отношений созданы структуры, такие как Центр поддержки экспорта Республики Саха (Якутия), однако их деятельность ограничивается в основном консультациями. Услугами данного центра пользуются ООО “Mammoth Workshop and Gallery”, ООО “Якутский экспортный завод”, ООО “Туску”, ИП Никифоров Гаврил Иванович (Каталог экспортно-ориентированных компаний 2020). Один из представителей предприятия, сотрудничавший с данным центром, поясняет: “Мне сказали самому найти иностранные рынки, составить список и сроки выставок, затем передать им. И затем они рассмотрят это направление и свяжутся со мной, но так и не связались” (ПМА 1).

Здесь следует также отметить, что в развитии косторезного промысла в Якутии в широкой исторической ретроспективе наблюдается определенная темпоральная структура, связанная с динамикой спроса на мамонтовую кость на глобальном рынке. В настоящий период спрос на кость на мировых рынках находится на высоком уровне, что снижает возможности для развития этнической косторезной школы, и мы наблюдаем ее упадок. Интересно, что данное сворачивание области косторезного искусства, представляющего в Якутии в основном этническую якутскую культуру, происходит на фоне процесса приписывания сбора мамонтового бивня традиционной культуре и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, в то время как косторезная традиция народа саха в дискурсивных практиках оказывается представлена недостаточно.

Далее рассмотрим усилившийся в последнее десятилетие дискурс, касающийся того, что сбор мамонтового бивня является прерогативой коренных малочисленных народов Севера и относится к традиционному природопользованию. В России, кажется, это один из редких случаев, когда удалось отразить этот дискурс даже в нормативно-правовой сфере, и связано это как раз с отсутствием какого-то конкретного статуса у данного вида ископаемого ресурса. В других регионах России были прецеденты, к которым можно отнести добычу нефрита в Бурятии и Иркутской области, когда коренные малочисленные народы (эвенки) использовали этот дискурс для защиты и отстаивания собственных интересов (*Сафонова, Шанта* 2013: 117–118; *Балзер* 2014: 20). Однако в отличие от мамонтового бивня нефрит имеет статус полезного ископаемого, поэтому эвенки не смогли доказать своего права на добычу нефрита в рамках традиционного природопользования. Согласно Распоряжению Правительства РФ от 0805.2009 № 631-р “Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации” (с изменениями на 29 декабря 2017 г.), к видам традиционного природопользования относят добычу и переработку лишь общераспространенных полезных ископаемых (песок, суглинок, мел, торф и т. д.) для собственных нужд (Распоряжение Правительства РФ 2009). В свою очередь с костью из-за ее категориальной неопределенности можно наблюдать несколько иную ситуацию. Эксплуатация политики идентичности при этом, как нам кажется, направлена на то, чтобы с помощью региональных органов власти локализовать возможность прихода на данный рынок новых игроков, а также обеспечить приоритетное участие местного населения в мамонтовом промысле.

На усиление данного дискурса влияют нормативно-правовые акты и обсуждения, иницируемые государством, тематика которых касается регулирования деятельности в данной области в рамках закона. Такие обсуждения потенциально могли бы повлиять на возможность участия местного населения в сборе кости. В качестве примера можно привести ситуацию, произошедшую в 2017 г.,

Рис. 1. Один из лозунгов сборщиков мамонтового бивня, вышедших на митинг в 2018 г. (Фото Слепцовой А.А., 2018)

когда руководитель управления Министерства культуры РФ по ДФО Александр Мартынов наделил бивень мамонта статусом культурной ценности, которую нельзя повреждать. Вышеуказанное событие вызвало негодование сборщиков бивней и косторезов, а также страх, что в скором времени могут объявиться крупные игроки федерального уровня, которые монополизировали рынок и вытеснят местных. В связи с чем в Якутске даже прошло несколько митингов сборщиков мамонтовой кости.

По всей видимости, внесение в нормативные и концептуальные документы строк о том, что “эти ресурсы (мамонтовая кость) в течение 300 лет являются объектом традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Якутии, которые в процессе исторической хозяйственной деятельности собирали бивни для поставки их купцам и промышленникам”, является попыткой этнизировать данную деятельность и придать ей особый статус традиционного природопользования. Стоит отметить, что исторически в сборе мамонтового бивня с того же периода, который указан в концепции (Концепция развития сбора... 2018), широко участвовали и русские, и якуты (Башарин 2003: 81–83). Исторически территории сбора бивня были зоной межкультурного взаимодействия русских, якутов, эвенков, юкагиров, чукчей.

Вышеуказанные явления провоцируют процессы укрепления этнической идентичности. Ведь именно групповые права делают более жесткими межгрупповые границы, заставляя людей со множественной идентичностью сделать выбор в пользу одной из идентичностей при взаимодействии с государством. Интересно соотнести эти выводы с результатами исследований К.Б. Клокова и С.А. Хрущева. Исследователи указывают на то, что в Республике Саха (Якутия), согласно материалам переписей населения, проведенных в постсоветский

период, отмечается скорее мобилизационный (вызванный изменениями этнической самоидентификации) прирост населения КМНС, нежели естественный (Klokov, Khrushev 2010). В межпереписной период 2002–2010 гг. продолжается тенденция прироста КМНС на территории Якутии.

Можно предположить, что таким образом проявила себя смена идентичности под влиянием нового законодательства. Следовательно, самоидентификация местных жителей в условиях высокого уровня этнического смешения и метисации, характерного для данной территории, отчасти инструментальна и выбор этнической принадлежности производится в том числе с целью получения преимуществ в рамках административной системы.

Моральное оправдание неформальных практик и роль государства

Другой важный вопрос, который возникает в связи с приходом рыночных отношений на Север, где экосистемы очень хрупкие, это вопросы экологии. Поиск же ископаемой мамонтовой кости часто осуществляется путем промывания береговых участков морей и рек мощными мотопомпами. Интересна при этом позиция жителей Севера об экологическом вреде, который наносится природе при поиске. Вопросы, связанные с природой и экологией, воспринимаются достаточно ревностно по отношению к приезжим: “Если другие будут приезжать, будет плохо, наверное. Землю испортят, протопчут” (ПМА 2: тетрадь 3), – или крупным производственным предприятиям: «Если сравнить с “Алмазами Анабара”, то это капля в море», – тогда как личное во всех смыслах “использование” земли понимается как что-то безобидное и естественное (ПМА 2: тетрадь 2).

Следует отметить, что убежденность сборщиков мамонтовой кости в своем моральном праве на данный вид ресурсов, как в своей работе указывал К.Б. Клоков, исходит из мнения об особом моральном праве локального сообщества на ресурсы той территории, где оно существует (Клоков 2020). Информанты в ходе нашей полевой практики подтверждали эти слова. Они считают сбор мамонтового бивня одним из условий выживания на Севере или даже порой компенсацией за тяжелые и экстремальные условия жизни. В пример можно привести также растиражированную в СМИ фразу председателя уже прекратившей свое существование Якутской ассоциации сборщиков мамонтовой фауны Константина Охлопкова: “Сбор бивней – это то, что поддерживает сейчас население в северных улусах. Хлеб стоит 100 рублей, картошка – под 300 рублей. Сейчас в этой сфере занято около десяти тысяч якутян. Как выживать, не занимаясь сбором бивней? Мы не знаем” (Regnum 2018). Природопользование в обход законодательства расценивается как моральное право местного населения, связанное с уходом государства и сменой политики в отношении Севера. В этом контексте экономическое действие, нацеленное на обеспечение жизнедеятельности человека, оказывается социально укорененным действием, которое встроено в социальные отношения.

Все это формирует непростые отношения к государству. С одной стороны, в соответствии с работами в области моральной экономики, жители Арктики адресуют государству требования, касающиеся обеспечения выживания и стабильности. Деконструкция социальной инфраструктуры и падение уровня жизни расценивается как нарушение государством принципов моральной экономики выживания, что интерпретируется как отсутствие у государства права на требование соблюдать те правила, которые установлены в сфере добычи мамонтовой кости, если они не соответствуют интересам населения. В то же время в настоящем восприятии людей государственная власть выступает в качестве потенциальной силы, способной лишить их возможности получения дохода:

“В этой сфере крутятся большие деньги. Власти чувствуют это и хотят себе оттуда тоже взять, налог и туда-сюда. Хотят все запретить. С людьми по-любому не поделятся” (ПМА 2: тетрадь 1). Отдельно выделяются комментарии о новых правилах, с которыми уже сейчас нужно считаться. В частности, это Постановление Правительства Российской Федерации от 14.09.2020 № 1425 “Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей...”, по которому отныне все культурные ценности для вывоза за границу должны проходить экспертизу (Постановление Правительства РФ 2020). К ним причислили и бивни мамонта: “Государство начало бюрократизировать – дополнительные взимания за ветеринарную справку, за лицензию по добыче, за экспорт, за оценку культурной ценности и так далее, плюс появились какие-то посредники, и есть коррупционная составляющая” (ПМА 3: опрос).

Интересен момент, связанный с “традиционностью”, которая приписывается данному виду деятельности. Несмотря на то, что жители северных поселков, не относящиеся к КМНС, часто возмущаются, что аборигены имеют больше прав на рыбалку и охоту, в отношении сферы сбора мамонтовой кости стратегия “коренной – не коренной” становится для жителей Севера попыткой ограничить перспективы ухода этих ресурсов в чужие руки, и в ход идут и дискурсивные практики. На них опираются динамические социальные стратегии, которые создают свои собственные режимы порядка и стабильности в юридической неопределенности, наблюдающейся в сфере сбора и последующей реализации остатков мамонтовой фауны. Эти стратегии задействуют укоренившуюся в общественном сознании традицию этнографии Сибири, которая построена на антиномии государства и коренных малочисленных народов Севера и связана с дискурсивным утверждением, что коренные народы находятся вне временных и пространственных рамок (пределов) государства – с начала XIX в. обитатели северных окраин представляли собой наиболее последовательно сохраняемых антиподов современного значения российскости (*Ссорин-Чайков* 2012а). Таким образом, этнографическое знание, которое не было знанием об экономике и рынке в прямом смысле слова, оказывается тесно связанным с “экономическим множеством сообщающихся сосудов” (*Ссорин-Чайков* 2012б: 70) в настоящее время.

На наш взгляд этнизация деятельности по сбору мамонтовой кости, наблюдающаяся в дискурсивных практиках сборщиков кости и отражающаяся в нормативно-правовых документах регионального уровня, в силу акцентирования внимания на значении мамонтовой кости для культуры коренных малочисленных народов Севера, недостаточно объективно отражает историю использования ресурсов мамонтовой кости, а именно развития косторезного искусства – недостаточно представлена оказывается косторезная традиция народа саха, хотя в Якутии она широко распространена и имеет длительную историю.

* * *

Подождившая вышесказанное, следует отметить, что в настоящий момент индустрия мамонтового бивня является неотъемлемой частью жизни якутского Севера и напрямую оказывает влияние на жизнеобеспечение северных поселков, несмотря на то, что занятость носит сезонный характер. Эта сфера деятельности оказывается вплетена в социальную жизнь северян, как на уровне сетей, так и действия принципов моральной экономики. Следует согласиться с выводами Т. Хольцленера, согласно которым социальные связи являются центром теневой экономики (*Holzlehner* 2006). В рассмотренной нами ситуации с мамонтовым бивнем это подтверждается необходимостью иметь связи для включения в промысел.

Очевидно, что данная ситуация сложилась вследствие многих социально-экономических проблем региона, здесь мы солидарны с мнением В.Н. Давыдова (Давыдов 2019) и К.Б. Клокова (Клоков 2020). Высокий спрос на мамонтовый бивень на мировом рынке оказывает влияние не только на формирование неформальных практик природопользования в условиях юридической неопределенности, но и на развитие косторезного промысла. Высокая стоимость оказывается неподъемной для косторезов. В свою очередь, государство в сфере поддержки местных косторезных мастерских проявляет себя слабо, а отсутствие четких механизмов действия лицензиатов при реализации преимущественного права государства на скупку мамонтовой кости сказывается в широком плане как на культуре, так и на науке. Кроме того, следует отметить, что процессы коммодификации мамонтовой кости пронизаны различными ментальными конструкциями, а также в определенной мере мифологизированы, и представления эти полнятся за счет пространства слухов, в условиях отсутствия четких определений и правил. Следует отметить, что вопросы формирования этих ментальных представлений остаются открытыми, но важными для дальнейших исследований.

Дискурс этнизации данной деятельности используется для защиты от вторжения государства и других игроков: на вход в деятельность по сбору мамонтовой кости действуют негласные ограничения, хотя в настоящее время сбором занимаются не только этнические сообщества из перечня коренных малочисленных народов Севера, но и жители северных поселков, относящиеся к другим этническим группам. Таким образом, на примере кости мы наблюдаем использование политики идентичности для отстаивания интересов локальных сообществ Арктики. Можно предположить, что попытка использовать политику идентичности направлена на расширение “свободных пространств” (определение, предложенное В.Н. Давыдовым [Давыдов 2019: 79]) за счет утвердившейся этнографической традиции, построенной на антиномии коренных малочисленных народов Севера и государства. Здесь мы согласны с мнением Н. Ссориной-Чайкова, что этнографическое знание, которое не было знанием об экономике и рынке в прямом смысле слова, оказывается тесно связанным с экономикой в настоящее время. В то же время использование дискурса этнизации приводит к укреплению инструментальных стратегий этнической идентификации, и органы статистического учета фиксируют прирост населения КМНС. В целом следует отметить, что все это ставит научное сообщество перед достаточно сложным вопросом в сфере соотношения прав и интересов коренных малочисленных народов Севера, где проходит грань между защитой интересов локальных сообществ и попытками своего рода спекуляции на этой теме.

В заключение следует отметить, что рассмотрение сферы мамонтовой кости демонстрирует нам сетевые отношения внутри серии фактов и роль различных ситуаций, связанных с категоризацией и выстраиванием иерархий в формировании социальной реальности. Здесь в процессе коммодификации мамонтовой кости проблемы категоризации природных ресурсов переплетаются с общественными представлениями о проблемах идентификации, построенными на традициях этнографии и методиках статистического учета, которые также, несомненно, являются инструментами государственного надзора и осмысления государством собственного пространства.

Примечания

¹ Информация получена из письма Председателя Государственного комитета Республики Саха (Якутия) по занятости населения от 31.08.2021 № 21/ГКЗН-04/3999 (сост. Шарапов В.Л.), присланного по запросу авторов Государственным комитетом Республики Саха (Якутия) по занятости населения.

² Информация получена из электронного издания “Бедность: электронный статистический сборник”. Якутск, 2021, присланного по запросу авторов Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия).

³ Информант использовал условные названия, демонстрирующие, что есть разделение на территории.

Источники и материалы

Валлерстайн б.г. – Валлерстайн И. Мир-системный анализ // Архив философии истории. Проф. Н.С. Розов, личный сайт. <https://nsu.ru/filf/rpha/papers/geoeson/waller.htm> (дата обращения: 25.01.2022)

Доклад “Природные ресурсы: эффективность и контроль” 2017 – Доклад “Природные ресурсы: эффективность и контроль” // Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям. 2017. http://www.komitet3-1.km.duma.gov.ru/upload/site49/document_news/000/264/228/doklad.pdf (дата обращения: 29.09.2021)

Закон Республики Саха (Якутия) 2005 – Закон Республики Саха (Якутия) от 16.06.2005 250-3 № 507-III “О регулировании пользования и распоряжения особым природным ресурсом – ископаемыми остатками мамонтовой фауны” (с изменениями на 27 мая 2021 года) // СПС КонсультантПлюс. <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?base=RLAW249&dst=100248&n=7551&req=doc#gksd7pS04mfOb7r4> (дата обращения: 19.11.2021)

Закон РФ “О недрах” 1992 – Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 “О недрах” // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/ (дата обращения: 12.09.2021)

Закон РФ “О вывозе и ввозе...” 1993 – Закон Российской Федерации от 15.04.1993 № 4804-1 “О вывозе и ввозе культурных ценностей” // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации “Консорциум Кодекс”. <http://docs.cntd.ru/document/9005151> (дата обращения: 28.11.2019)

Каталог экспортно-ориентированных компаний 2020 – Каталог экспортно-ориентированных компаний Республики Саха (Якутия). Якутск, 2020. https://yakutiaexport.com/tinybrowser/files/reestr/2020/1/katalog-2020_compressed.pdf (дата обращения: 27.09.2021)

Концепция развития добычи... 2011 – Концепция развития добычи, реализации и переработки мамонтовой кости на территории Республики Саха (Якутия) от 22.07.2011 № 484-РП // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации “Консорциум Кодекс”. <https://docs.cntd.ru/document/445033166/> (дата обращения: 22.08.2021)

Концепция развития сбора... 2018 – Концепция развития сбора, изучения, использования, переработки и реализации палеонтологических материалов мамонтовой фауны на территории Республики Саха (Якутия) от 13.08.2018 № 649-РГ // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации “Консорциум Кодекс”. <https://docs.cntd.ru/document/550166534/> (дата обращения: 15.09.2021)

ПМА 1 – Полевые материалы автора Слепцовой А.А., экспедиция в Якутск. Август-октябрь 2021 г. (информанты: Пастушенко Н.Г., Малардырова М.В., Родионов Г.Н., Илларионов А.)

ПМА 2 – Полевые материалы автора Федоровой А.Р., экспедиция в Якутск. Февраль-сентябрь 2021 г. (тетради 1, 2, 3).

ПМА 3 – Полевые материалы автора Федоровой А.Р., экспедиция в Республику Саха (Якутия). Февраль-март 2021 г. (опрос).

- Постановление Правительства РФ 2020 – Постановление Правительства Российской Федерации от 14.09.2020 № 1425 “Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей и направления экспертом экспертного заключения в Министерство культуры Российской Федерации, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение” // СПС КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362454/ (дата обращения: 18.11.2021)
- Распоряжение Правительства РФ 2009 – Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р “Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации” // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87690/ (дата обращения: 01.11.2021)
- Реестр действующих лицензий б.г. – Реестр действующих лицензий на сбор палеонтологических коллекционных материалов с 2016 по 2021 гг. // Министерство промышленности и геологии Республики Саха (Якутия). <https://minprom.sakha.gov.ru/nedropolzovanie/reestr-dejstvujuschij-litsenzij-na-sbor-paleontologicheskikh-kollekcionnyh-materialov> (дата обращения: 14.09.2021)
- РФА ЯНЦ СО РАН 1 – Рукописный фонд Архива якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 5. Оп. 1. Д. 410.
- РФА ЯНЦ СО РАН 2 – Рукописный фонд Архива якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 5. Оп. 3. Д. 430.
- Указ Президента Республики Саха (Якутия) 2005 – Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 30.03.2005 № 2044 “Об особом статусе природных ресурсов – ископаемых остатков мамонтовой фауны и регулировании их оборота на территории Республики Саха (Якутия)” // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации “Консорциум Кодекс”. <http://docs.cntd.ru/document/802030236> (дата обращения: 28.11.2019).
- Федеральный закон РФ 2017 – Федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2017 № 435-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сферах вывоза и ввоза культурных ценностей и архивного дела” // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации “Консорциум Кодекс”. <http://docs.cntd.ru/document/556175633> (дата обращения: 28.11.2019).
- Regnum 2018 – Сборщики бивней мамонта боятся монополизации отрасли и готовы митинговать // ИА Regnum. 25.05.2018. <https://regnum.ru/news/society/2421162.html> (дата обращения: 08.11.2021)

Научная литература

- Балзер М.М.* Коренные космополиты, экологическая защита и активизм в Сибири и на Дальнем Востоке // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 15–38.
- Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: понятие, структура // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 4. С. 15–36.
- Башарин Г.П.* История аграрных отношений в Якутии / Отв. ред. д. ист. наук, проф. В.Н. Иванов. Т. II. Аграрный кризис и аграрное движение в конце XVIII – первой трети XIX в. М.: Арт-Флекс, 2003.

- Белолобская Г.С.* Правовое регулирование сбора останков мамонтовой фауны в Российской Федерации // *Юридические исследования*. 2019. № 12. С. 1–11.
- Боескоров Г.Г., Кириллин Н.Д., Лазарев П.А., Тесцов В.В.* Прогнозная оценка ресурсов мамонтового бивня на севере Якутии // *Проблемы региональной экологии*. 2008. № 2. С. 106–109.
- Васильева О.В., Кузьмина А.А., Федорова А.Р.* Воображение Севера в контексте освоения природной среды: мамонт в мифологических представлениях якутов // *Научный диалог*. 2021. № 1. С. 194–210.
- Григорьев С.А.* Добыча останков мамонтовой фауны и локальные сообщества арктических территорий Якутии в конце XX в. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2021. № 3 (54). С. 239–246.
- Давыдов В.Н.* Неформальное природопользование на Северном Байкале: добыча биоресурсов в свободных пространствах // *Этнографическое обозрение*. 2019. № 4. С. 76–88.
- Журавская Т.Н.* Моральная экономика “хищников”: случай дальневосточных поселений // *Terra Economicus*. 2013. Т. 11. № 4. С. 44–53.
- Кадук Е.В.* Рыночный обмен и практики дележа в Анабарском районе Республики Саха (Якутия) // *Этнографическое обозрение*. 2017. № 6. С. 111–127.
- Копытофф И.* Культурная биография вещей: товаризация как процесс // *Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна*. М.: Издательский дом “Территория будущего”, 2006. С. 134–167.
- Клоков К.Б.* Между государством и рынком: неформальные практики природопользования в сибирских селах // *Этнография*. 2020. № 1 (7). С. 144–167.
- Милославский В.Г.* Интеллектуальная экономика в условиях отдаленных поселений Арктики: потенциал, проблемы, решения // *Молодой ученый*. 2020. № 25 (315). С. 194–199.
- Нуреева Р.М.* (отв. ред.) “Великая трансформация” Карла Полаanyi: прошлое, настоящее, будущее. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
- Прокопьева А.Н., Слепцова А.А.* Изделия из бивня мамонта в Якутии XVIII века (по материалам погребальных памятников) // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2020. № 3 (41). С. 110–115.
- Сафонова Т., Шанта И.* Встречи на эвенкийской земле: кибернетическая антропология Байкальского региона. СПб.: Алетейя, 2013.
- Сафронов Ф.Г.* Русские промыслы и торги на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1980.
- Скотт Дж.* Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство, 2017.
- Смирнов А.И.* Ископаемая мамонтовая кость. СПб.: Изд. НИИ Океангеология, 2003.
- Смирнов А.Н., Кириллин Н.Д., Иванова Ю.В., Журилова М.А.* Забытое полезное ископаемое российской Арктики – мамонтовая кость // *Арктика: экология и экономика*. 2016. № 1 (21). С. 66–75.
- Ссорин-Чайков Н.В.* Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства (из книги “Социальная жизнь государства в северной Сибири”) // *Социология власти*. 2012а. № 4–5. С. 155–187.
- Ссорин-Чайков Н.В.* Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара // *Экономическая социология*. 2012б. Т. 13. № 2. С. 59–81.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
- Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

- Шанин Т. Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 11–32.
- Holzlehner T. Shadow Networks: Border Economies, Informal Markets and Organized Crime in the Russian Far East. PhD diss., University of Alaska, Fairbanks, 2006.
- Klovov K.B., Khrushchev S.A. Demographic Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Russian North, 1897–2002 // *Sibirica*. 2010. Vol. 9. No 3. P. 41–65. <http://doi.org/10.3167/sib.2010.090303>
- Ventsel A. Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and Property Relations in a Siberian Village. Berlin: LIT Verlag, 2005.

Research Article

Vasileva, O.V., A.R. Fedorova, and A.A. Sleptsova. Mammoth Tusk, Society, and the State: Informal Practices of Natural Resource Use in the North-East of Russia and Their Social and Economic Impact [Мамонтоваиа кост', obshchestvo i gosudarstvo: neformal'nye praktiki prirodopol'zovaniia na Severo-Vostoke Rossii i ikh sotsial'no-ekonomicheskii effekt]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 86–108. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040054> EDN: XLMXM ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Olga Vasileva | <http://orcid.org/0000-0001-9992-4163> | ovasileva.igi@mail.ru | Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk) (Petrovsky St. 1, Yakutsk, 677027, Russia)

Aitalina Fedorova | <http://orcid.org/0000-0002-6487-3914> | aytap@mail.ru | Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk) (Petrovsky St. 1, Yakutsk, 677027, Russia)

Aitalina Sleptsova | <http://orcid.org/0000-0002-8774-2570> | aytalina92s@gmail.com | Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk) (Petrovsky St. 1, Yakutsk, 677027, Russia)

Keywords

Arctic, Yakutia, mammoth, tusk mining, anthropology of state, informal practices, natural resource use, mammoth tusk carving

Abstract

The article discusses the issue of mammoth tusk mining which has been practiced in Yakutia for quite some time. Currently the commercial tusk mining is still not fully regulated by law, and this has been instrumental in sustaining the shadow or informal economy. This study draws on field research conducted in 2013–2021 and examines the social conditions in Yakutia that have been conducive to informal practices as well as the ways in which rural dwellers themselves think about these practices. We argue that it is the chain of post-Soviet transformations that has brought about proper conditions and social connections for the rise of the informal economy where a part of the population is constantly involved in collecting tusks. The miners exploit the politics of identity to successfully keep distance from the state regulation, which may be ethnographically explained in terms of the antinomy of the state and the indigenous culture of the north.

References

- Balzer, M.M. 2014. Korennye kosmopolity, ekologicheskaiia zashchita i aktivizm v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Indigenous Cosmopolitans, Ecological Defense, and Activism in Russia's Siberia and the Far East]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 2: 15–38.
- Barsukova, S.Y. 2003. Neformal'naia ekonomika: poniatie, struktura [Informal Economy: Concept, Structure]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia* 4 (4): 15–36.
- Basharin, G.P. 2003. Istoriia agrarnykh otnoshenii v Yakutii [History of Agrarian Relations in Yakutia]. Vol. II, *Agrarnyi krizis i agrarnoe dvizhenie v kontse XVIII – pervoi treti XIX v.* [Agrarian Crisis and Agrarian Movements from the Late 18th Century through 1930s], edited by V.N. Ivanov. Moscow: Art-Fleks.
- Beloliubskaiia, G.S. 2019. Pravovoe regulirovanie sbora ostankov mamontovoi fauny v Rossiiskoi Federatsii [Legal Regulation of Collecting Mammoth Remains in the Russian Federation]. *Yuridicheskie issledovaniia* 12: 1–11.
- Boeskorov, G.G., N.D. Kirillin, P.A. Lazarev, and V.V. Testsov. 2008. Prognoznaia otsenka resursov mamontovogo bivnia na severe Yakutii [Forecasting Assessment of the Mammoth Tusk Resources in the North of Yakutia]. *Problemy regional'noj ekologii* 2: 106–109.
- Davydov, V.N. 2019. Neformal'noe prirodopol'zovanie na Severnom Baikale: dobycha bioresursov v svobodnykh prostranstvakh [Informal Land use in Northern Baikal: Extraction of Bioresources in “Free Spaces”]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 76–88.
- Foucault, M. 1999. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tiur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison], edited by I. Borisova. Moscow: Ad Marginem.
- Fukuyama, F. 2006. *Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoi poriadok v XXI veke* [State-Building: Governance and World Order in the 21st Century]. Moscow: AST MOSKVA: KhRANITEL'.
- Grigor'ev, S.A. 2021. Dobycha ostankov mamontovoi fauny i lokal'nye soobshchestva arkticheskikh territorii Yakutii v kontse XIX v. [The Mining of Mammoth Remains and Local Communities in the Arctic Zone of Yakutia in the Late 19th Century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* 3 (54): 239–246.
- Holzlehner, T. 2006. Shadow Networks: Border Economies, Informal Markets and Organized Crime in the Russian Far East. PhD diss., University of Alaska, Fairbanks.
- Kaduk, E.V. 2017. Rynochnyi obmen i praktiki delezha v Anabarskom raione Respubliki Sakha (Yakutiia) [Market Exchange and Share-Out Practices in the Anabar District of the Sakha Republic (Yakutia)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 111–127.
- Klokov, K.B. 2020. Mezhdou gosudarstvom i rynkom: neformal'nye praktiki prirodopol'zovaniia v sibirskikh selakh [Between the State and the Market: Informal Practices of Natural Resource Use in Siberian Villages]. *Etnografiia* 1 (7): 144–167.
- Klokov, K.B., and S.A. Khrushchev. 2010. Demographic Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Russian North, 1897–2002. *Sibirica* 9 (3): 41–65. <http://doi.org/10.3167/sib.2010.090303>
- Kopytoff, I. 2006. Kul'turnaia biografiia veshchei: tovarizatsiia kak protsess. In *Sotsiologiia veshchei* [The Cultural Biography of Things: Commodification as a Process], edited by V. Vahstain, 134–167. Moscow: Izdatel'skii dom “Territoriia budushchego”.
- Miloslavskii, V.G. 2020. Intellektual'naia ekonomika v usloviakh otdalennykh poselenii Arktiki: potentsial, problemy, resheniia [Intellectual Economy in the Context of Remote Villages of the Arctic]. *Molodoi uchenyi* 25 (315): 194–199.

- Nureeva, R.M., ed. 2006. *“Velikaia transformatsiia” Karla Polan’i: proshloe, nastoiashchee, budushchee* [Karl Polanyi’s “Great Transformation”: Past, Present, and Future]. Moscow: GU-VShE.
- Prokop’eva, A.N., and A.A. Sleptsova. 2020. Izdeliia iz bivnia mamonta v Yakutii XVIII veka (po materialam pogrebal’nykh pamiatnikov) [Figures Carved from Mammoth Tusks in the 18th Century Yakutia]. *Problemy sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri* 3 (41): 110–115.
- Safonova, T., and I. Shanta. 2013. *Vstrechi na evenkiiskoi zemle: kiberneticheskaia antropologiia Baikal’skogo regiona* [Meetings in the Evenki Land: Cybernetic Anthropology of the Baikal Region]. St. Petersburg: Aleteiia.
- Safronov, F.G. 1980. *Russkie promysly i torgi na Severo-Vostoke Azii v XVII – seredine XIX v.* [Russian Economic Activities and Trade in the North-East Asia in the 17th–Mid-19th Century]. Moscow: Nauka.
- Shanin, T. 1999. Ekspoliarnye struktury i neformal’naia ekonomika sovremennoi Rossii [Expolary Structures and Informal Economy of the Present-Day Russia]. In *Neformal’naia ekonomika: Rossiia i mir*, edited by T. Shanin, 11–32. Moscow: Logos.
- Skott, D. 2017. *Iskusstvo byt’ nepodvlastnym. Anarkhicheskaia istoriia vysokogorii Yugo-Vostochnoi Azii.* [The Art of Being Unbiased: An Anarchist History of South-East Asian Highlands]. Moscow: Novoe izdatel’stvo.
- Smirnov, A.I. 2003. *Iskopaemaia mamontovaia kost’* [Fossil Mammoth Bone]. St. Petersburg: Izdatel’stvo NII Okeangeologiia.
- Smirnov, A.N., N.D. Kirillin, Y.V. Ivanova, and M.A. Zhurilova. 2016. Zabytoe poleznoe iskopaemoe rossijskoi Arktiki – mamontovaia kost’ [A Forgotten Natural Resource of the Russian Arctic – Mammoth Tusk]. *Arktika: ekologiia i ekonomika* 1(21): 66–75.
- Ssorin-Chajkov, N.V. 2012a. Gobbs v Sibiri: sotsial’naia zhizn’ gosudarstva (iz knigi “Sotsial’naia zhizn’ gosudarstva v severnoi Sibiri”) [Hobbes in Siberia: Social Life of the State]. *Sotsiologiia vlasti* 4–5: 155–187.
- Ssorin-Chajkov, N.V. 2012b. Medvezh’ia shkura i makaroni: o sotsial’noi zhizni veshchei v sibirskom sovkhوزه i performativnosti razlichiih dara i tovara [Bear Skins and Macaroni: The Social Life of Things at the Margins of a Siberian State Collective]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia* 13 (2): 59–81.
- Vasil’eva, O.V., A.A. Kuz’mina, and A.R. Fedorova. 2021. Voobrazhenie Severa v kontekste osvoeniia prirodnoi sredy: mamont v mifologicheskikh predstavleniakh yakutov [Imagination of the North in the Context of Conquering the Natural Environment: Mammoth in Mythological Notions of the Yakut]. *Nauchnyi dialog* 1: 194–210.
- Ventsel, A. 2005. Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and Property Relations in a Siberian Village. Berlin: LIT Verlag.
- Zhuravskaiia, T.N. 2013. Moral’naia ekonomika “khishchnikov”: sluchai dal’nevostochnykh poselenii [Moral Economy of Illegal Miners: Evidence from Russian Far East]. *Terra Economicus* 11 (4): 44–53.